

«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»

В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

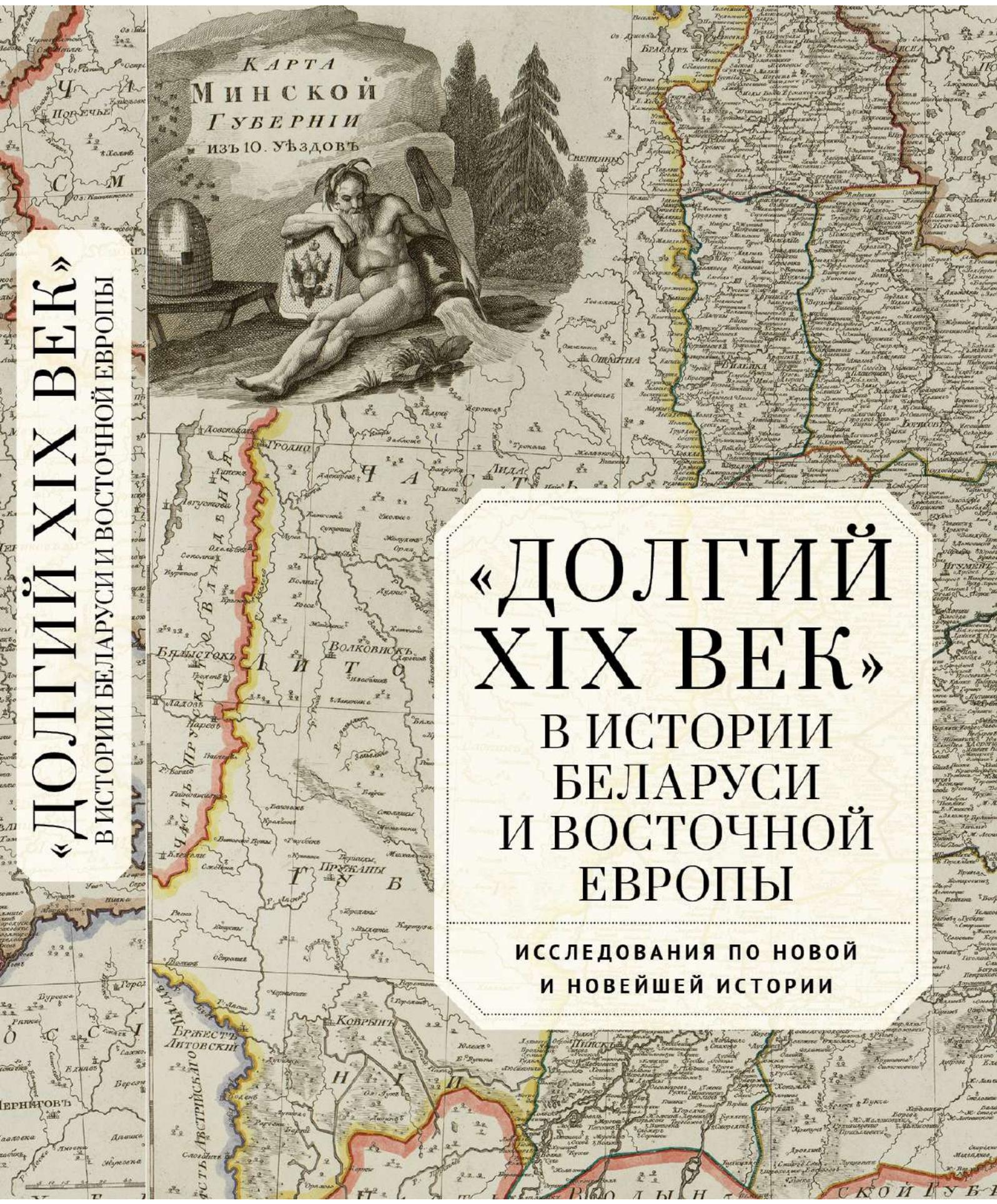

КАРТА
МИНСКОЙ
ГУБЕРНИИ
ИЗЪ 10. УЪЗДОВЪ

«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»

В ИСТОРИИ
БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(4-015)"18"

ББК 63.3(45)5

Д 640

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.А. Гужаловский*

доктор исторических наук, доцент *А.Л. Самович*

Д640 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы. Исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. ст. / отв. ред. С. Ф. Шимукович. – СПб.: Алетейя, 2022. – 586 с.

ISBN 978-5-00165-506-0

Сборник научных статей демонстрирует итоги работы ученых, объединенных интересом к изучению истории Беларуси и шире – Восточной Европы в период «долгого XIX века», концепт которого, с одной стороны, хорошо известен, а с другой – содержит элементы дискуссионности, не исключает специфические особенности в определении его хронологических границ в применении к отдельным странам и регионам.

Книга будет интересна как специалистам – историкам, культурологам, этнографам, – так и самому широкому кругу читателей.

УДК 94(4-015)"18"

ББК 63.3(45)5

ISBN 978-5-00165-506-0

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛОРУССКИЙ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК»: ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНУ (вместо предисловия)	11
ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАРРАТИВАХ ЭПОХИ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	24
<i>Хотеев А.С.</i> Публикации российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века как источники по белорусской истории	24
<i>Николаева Л.В.</i> Отражение проблем Кревского договора и эволюции взаимоотношений Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в 1385–1392 гг. в восточнославянских историографиях XIX – начала XX в.	45
<i>Дернович О.И.</i> «Могила героев»: наррация о штурме замка Пиленай в 1336 г. и формирование героического мифа современной литовской нации в XIX в.	65
ИДЕИ И ЛИЧНОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ	92
<i>Шимукович С.Ф.</i> Уроженцы белорусских земель в российских университетах в «долгом XIX веке»	92
<i>Чикалова И.Р.</i> Трансфер знаний об истории, праве, культуре европейских стран в российское интеллектуальное пространство «долгого XIX века»: вклад выходцев из белорусских губерний	122
<i>Теплова В.А.</i> Платон Николаевич Жукович (1857–1919): историк, источниковед, общественный деятель	148
<i>Белозорович В.А.</i> Адам Киркор (1818–1886): у истоков исторического белорусоведения	167
«СВОИ», «ДРУГИЕ», «ЧУЖИЕ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ	180
<i>Захаркевич С.А.</i> Свои «чужие» или чуждые «свои»: образ этнических меньшинств Беларуси в этнографической литературе XIX в.	180
<i>Храпунов Н.И.</i> Чужаки в чужом краю: путешествующие иностранцы в Крыму и Беларуси (конец XVIII – начало XIX вв.)	202

ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.	223
<i>Шидловский С.О.</i> Семейное воспитание и формирование исторического сознания в семьях дворян-помещиков Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.)	223
<i>Шевкун П.В.</i> Формирование современной религиозности: социокультурные аспекты проповеди в белорусско-литовских православных епархиях (конец XVIII – начало XX вв.)»	243
<i>Бусько С.И.</i> Спортивные увлечения и досуг элиты в белорусских губерниях на рубеже XIX–XX вв.	271
КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОРГАНИЗМЕ ИМПЕРИИ	
<i>Семенова Л.Н.</i> Капиталистическая модернизация городов Беларуси в XIX – начале XX в.	293
<i>Бурачонок А.В.</i> Развитие предпринимательства в городской местности Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	314
<i>Ерошевич А.В.</i> Белорусские губернии в формировании доходов государственного бюджета Российской империи в 1770–1860-х гг.	333
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ.	
<i>Киселев А.А.</i> Комплектование городских полицейских команд в белорусских губерниях в XIX в.	352
<i>Воронич Т.В.</i> «Цемнякі», «брухарэзы» и «наша паліцыя» – правонарушения на страницах газеты «Наша Нива» (1906– 1915)	382
<i>Меньчеля С.В.</i> Культура потребления алкогольных напитков и восприятие идеи трезвости в белорусских губерниях в условиях «винной» монополии и «принудительной трезвости» (1897–1917)	406
ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
<i>Чикалова И.Р.</i> События Первой мировой войны на территории белорусских губерний в свете публикаций военного и межвоенного времени	426

<i>Арлукевич А.Б.</i> Вооруженные силы Российской империи на территории белорусских губерний в 1880–1914 гг.	464
<i>Хаданёнак В.М.</i> Мобилизационные мероприятия и отношение к ним населения белорусских губерний в годы Первой мировой войны	484
<i>Волкова О.В.</i> Привлечение населения оккупированной территории Беларуси к принудительному труду в годы Первой мировой войны	501
<i>Дмитриева О.П.</i> Культурно-образовательная активность национальных общностей Беларуси в годы Первой мировой войны	541
<i>Никонова С.И.</i> Русская армия в зеркале событий Великой российской революции 1917 года	561
Сведения об авторах	578

«Могила героев»: наррация о штурме замка Пиленай в 1336 г. и формирование героического мифа современной литовской нации в XIX в.

О.И. Дернович

Сюжет для античной трагедии

Один из самых красноречивых эпизодов экспансии Тевтонского ордена в Прибалтике и его противостояния с Великим княжеством Литовским и территориями, которые в будущем войдут в его состав, связан с легендарным штурмом замка Пилены в 1336 г. Это событие произошло во время орденского рейда, возглавляемого великим магистром Дитрихом фон Альтенбургом (из рода бургграфов Альтенбургов; великий магистр 3.V.1335 – 6.X.1341).

Правление великого магистра Дитриха ознаменовалось тем, что он привел на помощь Ордену новые силы рыцарей-визитёров из Центральной и Западной Европы: воинов герцога Бранденбургского, графов Фландрии (де Намен), Франции, немецких (Генненберг) и австрийских земель. Зимой 1335–1336 гг. общее количество этих хорошо вооруженных «гостей» достигло более 200 «galea» (шлемов)¹.

Согласно сообщениям «Новой прусской хроники», объединённые орденские силы 25 февраля 1336 г. двинулись на Литву и осадили «castrum Pillenen in terra Troppen». Как можно понять, этот «замок Пилены» в «земле Тропен» был важным опорным пунктом в Жемайтии, на границе с уже завоеванным Орденом Пруссией. Земля Тропень, как и замок Пилены, не имеют точной локализации. Предполагается, что они находились на северном (правом) берегу нижнего Немана.

Описания событий в замке Пилены, оставленные орденской хроникой, напоминают по стилю и масштабу античную трагедию. Согласно прусской хронике, в Пилены собралось более 4000 человек из четырех земель. Увидев армию Ордена, язычники «потеряли надежду сохранить замок» и бросили свое имущество в огонь.

¹ *Wigand von Marburg. Nowa kronika pruska / oprac. Sławomir Zonenberg, Krzysztof Kwiatkowski. Toruń, 2017. S. 196.*

Затем состоялся акт коллективного самоубийства. Драматизм наррации придаёт повествование о «*vetula ragana*» («старой язычнице»), предположительно жрица, которая убила топором 100 своих соплеменников, а затем покончила с собой.

Граф Гененберг взял замок под свой контроль, но некоторым раненым защитникам удалось бежать верхом на конях. Вождя язычников, которого в хронике называют «*Rex Lithwanorum*», защитили его слуги. «Охваченный страхом», он скрылся в убежище, где заколол свою жену и бросил её тело в огонь. Язычники, впечатлённые таким поражением, склонили головы, и вождь убил их всех. «*Castrum Polenen*» был разрушен, из него были вывезены пленные и богатая добыча¹.

Основные сведения о событиях под Пиленами впервые зафиксировал хронист Виганд Марбургский (Виганд с Магбурга) (ок. 1365–1394/1409). Сам Виганд не был рыцарем Ордена, но являлся герольдом великого магистра Конрада Валенрода (1391–1393). Хроника Виганда охватывает период с 1293 по 1394 гг. и является одним из важнейших источников по истории Тевтонского ордена в Пруссии. Первоначальный текст хроники был написан рифмованной прозой на средневерхненемецком языке (*vulgari teutonico*).

В середине XV в. по инициативе польского историографа и королевского придворного Яна Длугоша (1415–1580) был сделан латинский перевод хроники. На протяжении XV–XVI вв. именно на латинский текст хроники неоднократно ссылались хронисты и историографы Польши и Великого княжества Литовского (Ян Длугош, Матей Меховский, Мартин Кромер; Матей Стрыйковский, Альберт Вьюк-Коялович). Кроме того, на основе сохранившихся частей немецкого оригинала в Пруссии в XVI в. возникла новая традиция наррации о Пиленах (Симон Грунау, Лукас Давид, Каспар Шюц)². Именно на страницах «Пусской истории» Каспара Шютца было названо имя предводителя защитников Пилен – «*König Marger*»³.

---

¹ *Wigand von Marburg*. S. 198.

² *Baronas D. Pilėnai – das litauische Masada. Auf den Spuren einer Legende // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2016. Bd. 65. Nr. 3. S. 359–364; *Baronas D. Pilėnai ir Margiris: faktai ir fikcijos // Istorijos šaltinių tyrimai*. 2008. T. 1. P. 49–60.

³ *Schütz C. Historia rerum prussicarum*. Zerbst: durch Bonaventur Schmid, 1592. F. 77v.

Историография эпохи Просвещения и Романтизма

Через двести лет после возникновения новой прусской традиции историописания XVI в., обратившей внимание на Пилены, и через сто лет после исследований в ВКЛ Альберта Виук-Кояловича, тема осады замка Маргера вновь вернулась на страницы историографических трудов. работает. Оживил этот сюжет немецкий и российский историк, известный норманист и издатель русских летописей¹ **Август Людвиг Шлётцер / August Ludwig Schlözer** (1735–1809) в своём обзорном труде «Geschichte von Littauen, als einem eigenen Großfürstenthume, bis zum Jh. 1569.»² («История Литвы как отдельного Великого княжества, до 1569 г.»). Сам Шлётцер, как уже отмечалось³, при написании своего труда во многом опирался на «Историю Литвы» Альберта Виук-Кояловича⁴.

Действительно, наррация Шлётцера о Пиленах во многом схожа с описанием этой осады у Виук-Кояловича. Исторический период, в котором происходили эти события, описывается Шлётцером, вслед за историком Великого княжества Литовского, как период правления Ольгерда, проводившего сдержанную политику: «Einige Jahre ruhte Olgerd aus»⁵. Немецкий историк повторил основные данные о численности литовцев в 4000 человек и о коллективном самоубийстве защитников Пиленского замка, но этот рассказ велся без добавления таких красочных подробностей, как сакральный топор жрицы. Последний сюжет был прописан в первоисточнике – в «Новой прусской хронике» Виганда Маргбургского, но отсутствовал в «Анналах» Яна Длугоша, которые были распространены в Польше и ВКЛ. Для исторической топонимии важно и то, что Шлётцер заим-

¹ Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt / hrsgb. von August Schlözer; 5 Theile. Göttingen, 1802–1809.

² Schlözer A.L. Geschichte von Littauen, als einem eigenen Großfürstenthume, bis zum Jh. 1569. Halle, 1785.

³ Gudavičius E. Mindaugas. Vilnius, 1998. P. 57.

⁴ Wiuk Koialowicz A. Historiae lituanae pars prior; de rebus Lituorum ante susceptam christianam religionem, conjunctionemque Magni Lituaniae Ducatus cum Regno Poloniae, libri novem. Dantisci: sumptibus Georgii Forsteri Bibliopolae S. R. M., 1650; Wiuk Koialowicz A. Historiae Lituanae a conjunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum. Antwerpiae apud Jacobum Meursium, 1669.

⁵ Schlözer A.L. Geschichte von Littauen. S. 69.

ствовал у Виюк-Каяловича одну из форм написания названия замка – Пуня: «das schloß Pullen oder besser Punie». Эта своеобразная свобода в передаче топонимов уже в XIX в. способствовало взаимному наложению двух исторических мифов.

В целом Август Шлёцер, которого считают наиболее ярким представителем Гёттингенской исторической школы и основоположником славистики в Гёттингене¹, исходили из того, что все народы и исторические эпохи, о которых сохранились вероятные данные, заслуживают тщательного научного изучения². Гёттингенский университет, где учился А. Шлёцер и куда он вернулся в 1769 г. в качестве профессора после академической работы в Швеции и России, был центром движения за превращение истории в самостоятельную научную дисциплину, что стало визитной карточкой историософской традиции эпохи Просвещения. Кроме всего, тут была предпринята попытка создания концепции Всемирной истории.

На других источниках базировался труд прусского писателя и историка **Людвига фон Бачко** / **Ludwig von Baczko** (1756–1823) «История Пруссии», изданный в Кённгисберге через восемь лет после публикации книги Шлёцера. Фон Бачка использовал обычную для прусской историографии XVI в. форму топонима: «Pullen oder Pulleyen». Форма Пуллена использовалась Лукасом Давидом в «Прусской хронике»³ и Каспаром Шюцем в «Прусской истории»⁴. Эти ссылки важны, потому что они позволяют нам понять, откуда фон Бачка взял детали пиленских укреплений. Этот сюжет фон Бачка сопровождал замечанием о том, что «следует приложить все усилия, чтобы познакомиться с этой чрезвычайно сильной крепостью литовцев, так как она дает нам представление об их знаниях и их боевых искусствах» (Es ist der Mühe werth, diese vorzüglich starke

¹ Историография истории южных и западных славян. / И. В. Созин (отв. ред.) и др. Москва, 1987. С. 211–212.

² Историография истории нового времени стран Европы и Америки. / ред. И.П. Дементьев. М., 1990. С. 87.

³ *David L. Preussische Chronik nach der Handschrift des Verfassers mit Beifügung historischer und etymologischer Anmerkungen <...>* / hrsg. von Ernst Hennig. Königsberg, 1814: Bd. 6. S. 130.

⁴ *Schütz C. Historia rerum prussicarum*, S. 77 p.

Veste der Litthauer etwas näher kennen zu lernen, weil sie uns einen Begriff von ihren Kenntnissen und ihrer Kriegskunst beybringt»¹.

Далее историограф привел количественные данные о размерах стен деревянного замка: стены имели высоту в 83 пяди / Spannen ($x \approx 20$ см = 16,6 м) и толщину в 52 пяди ($x \approx 20$ см = 10,4 м), ров достигал глубины 26 футов / Schuh ($x \approx 30$ см = 7,8 м) и ширины 50 футов ($x \approx 30$ см = 15 м) («Sie war aus dicken Rahnen erbaut, die 83 Spannen hoch und 52 Spannen dick übereinander lagen, und von einem 26 Schuh tiefen und 50 Schuh breiten Graben umgeben wurden»)². Ниже фон Бачко сослался на труды прусских историографов XVI в. Лукаса Давида и Каспара Шютца. Эти сведения имеются у Лукаса Давида, но первоначально они упоминаются в «Прусской хронике» Симона Грунау³. Следует отметить, что историческая нарация фон Бачко имела повествовательный, литературный стиль. Как видим, фон Бачко в своих исследованиях опирался на прусские хроники XVI в. и продолжил эту традицию историописания уже в эпоху Просвещения.

Ещё более беллетризованно описание событий под Пиленами выглядит у Августа фон Коцебу / **August Friedrich Ferdinand von Kotzebue** (1761–1819). Этот немецкий автор более известен как драматург и прозаик с весьма необычной биографией – он являлся газетным агентом на русской службе в Остзейском крае, был известен своими нападка на немецкий либерализм и национализм, а погиб от кинжала студента-радикала Карл Людвиг Зандта⁴. Фон Коцебу серьезно интересовался историей региона, от Пруссии до Великого княжества Литовского. В частности, он написал труд о политической биографии князя Свидригайло⁵.

¹ *Baczko L.* Geschichte Preußens. Königsberg, 1793. Bd. 2. S. 112.

² *Baczko L.* Geschichte Preußens. Königsberg, 1793. Bd. 2. S. 112.

³ *Grunau S.* Preussische Chronik im auftrage des Vereins für die geschichte der Provinz Preussen / herausgegeben von Dr. M. Perlbach. Leipzig, 1876. Bd. I. S. 582.

⁴ *Williamson G.S.* What Killed August von Kotzebue? The Temptations of Virtue and the Political Theology of German Nationalism, 1789–1819. // *The Journal of Modern History*. 2000. Bd. 72. P. 890–943; *Заиченко О.В.* Август фон Коцебу: история политического убийства // *Новая и новейшая история*. 2013. № 2. С. 177–191; *Zimmermann H.* Ein deutscher Gotteskrieger? Der Attentäter Carl Ludwig Sand: Die Geschichte einer Radikalisierung. Paderborn, 2020.

⁵ *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской / пер. с нем. СПб., 1835.

Самым же масштабным проектом немецкого писателя и историографа стала «История Древней Пруссии», изданная в четырех томах в 1808 г.¹ Именно на страницах этого синтетического труда фон Коцебу обратился к трагическим событиям 1336 г. и придал своему повествованию отчётливые литературные черты. «Самым удивительным событием этого [1336] рейда» автор назвал разрушение замка Пилены, который останется «лишь памятником мужеству тех язычников, достойных пера Тацита, как и лиры Гомера» («Doch die merkwürdigste Begebenheit jenes Streifzuges, die Zerstörung der Burg Pulleyen, ist und bleibt nur ein Denkmal der Tapferkeit jener Heiden, würdig der Feder eines Tacitus wie der Leyer eines Homer»)². В соответствии с традициями романтизма немецкий автор выражает свое сочувствие «благородным варварам», описывая их борьбу в героическом ключе: «Они сражались не только за своих богов, свою славу, свою собственность; также за то, что дороже всего человеку, за их жен и детей, заключенных в деревянных стенах» («Sie fochten nicht bloß für ihre Götter, ihren Ruhm, ihr Eigenthum; auch was dem Menschen am liebsten ist, ihre Weiber und Kinder umschlossen die hölzernen Mauern»). Голоса родных им людей пробуждали мужество защитников: «So oft sie rückwärts blickten, hoben sich unbewehrte Hände um Schutz flehend auf, und wohlbekannte, an das Herz dringende Klagestimmen befeuerten thätigen, erweckten gesunkenen Muth».

У фон Коцебу появились новые детали осады Пилен – по словам автора, одну из важнейших ролей при штурме сыграли тридцать лучников рыцаря Вернера фон Рандорфа, которые выпустили 600 обмотанных пенькой и пропитанных смолой стрел: «Fast verzweifelnd starrten die Flihenden das trozzige Holzschloß an, als Ritter Werner von Randorf, listiger als tapfer, unter seine dreißig Bogenschützen sechshundert Pfeile vertheilte, deren Widerhaken, mit Hanf in Pech getränkt umwunden, brenend hinüber flogen, brenend in die Balken drangen, und an hundert stellen die Feste in Brand steckten»³. Стихия огня сделала невозможным защиту деревянного замка, и тогда наступила трагическая развязка, известная из более ранних

¹ *Kotzebue A. v. Preußens ältere Geschichte.* Riga, 1808. Bd. 1–4.

² *Kotzebue A. v. Preußens ältere Geschichte.* Riga, 1808. Bd. 2. S. 171.

³ *Kotzebue A. v. Preußens ältere Geschichte.* Riga, 1808. Bd. 2. S. 172.

источников. Фактически, литературными средствами фон Коцебу усилили драматизм звучания рассказа о защите Пилен.

Позже история Пилен получила развитие в другом крупном труде по истории Пруссии, автором которого являлся немецкий историк, профессор Кёнигсбергского университета **Йоганнес Фойгт / Johannes Voigt** (1786–1863). Девятитомная «История Пруссии с древнейших времен до падения господства Немецкого ордена» вышла в свет на протяжении 1827–1839 гг. Описание событий под Пиленами было опубликовано в четвертом томе масштабного труда Фойгта. В сюжете о Пиленах Фойгт обратил внимание на несколько особенностей. Возможно Фойгт был первым исследователем, который указал на различные формы написания топонимов, проанализировав варианты названия Пилены в немецкой традиции историописания – в средневековых хрониках и произведениях авторов раннего Нового времени. Фойгт, среди прочего, предложил свою локализацию Пиленского замка – северо-западнее Росейн (Raseiniai) в центральной Жемайтии: «al die altheidnische Burg Pillenen im Lande Tropfen, warscheinlich in Samaiten nordostwärts von Rossiena hinauf»¹. Предводитель пиленцев фигурирует у Фойгта уже не под титулом «король», а «князь» (Fürst Marger). Немецкий историк также продолжил прусскую традицию рассказа о старой языческой жрице с жертвенным топором: «dem Opferbeile einer alten Priesterin». Фойгт дал свою интерпретацию реакции участников орденового рейда – по словам историка, немецкие воины содрогнулись от ужасающего кровопролития и их кровь чуть не застыла, когда они вошли в замок: «Boden der gräßlichen That betraten»². Но это сопротивление пиленцев имело тактические последствия – немецкие рыцари, пораженные духом народа, не решались продвигаться дальше в земли этого края³.

Масштабные произведения фон Коцебу и Фойгта, созданные под влиянием историографии Романтизма, заложили канон пове-

---

¹ Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1830. Bd. 4: Die Zeit von der Unterwerfung Preußens 1283 bis zu Dieterichs von Altenburg Tod 1341. S. 535.

² Voigt J. Geschichte Preussens. S. 537.

³ Voigt J. Geschichte Preussens. S. 537.

ствования о Пиленах в XIX в. Следует также отметить, что работы фон Коцебу и Фойгта опирались на прусскую историографическую традицию, но в трактовку далеких событий авторы приносили свои морально-психологические интерпретации, что в целом являлось одной из особенностей романтической историографии.

Взрыв интереса в бывшем ВКЛ

Наработки немецкой историографии нашли отклик на землях бывшего Великого княжества Литовского. Но первым художественным отражением исторических событий стало полотно польского художника **Владислава Константина Маерановского / Władysław Konstanty Majeranowski** (1817–1874), родом из Кракова, находящегося под австрийским управлением. Эпическое полотно художника «Последняя сцена Маргера» («Ostatnia scena Margiera») (Ил. 1) выполнено в типичной для романтизма стилистике с обращением к легендарным сюжетам и с сильной экспрессией. Образ последних минут жизни языческого вождя Маргера, созданный Маерановским, стал одним из самых сильных в художественном воплощении событий в Пиленах. Символика картины Маерановского прочитывалась как антигерманская, направленная против Пруссии, одного из государств-участников разделов Речи Посполитой.

В 1837 г. появилось полотно уже представителя Виленской художественной школы **Винцента Дмоховского / Wincenty Dmochowski** (1805/07–1862) «Крестоносцы перед атакой замка Пуня»¹ (Ил. 2). Это произведение, среди прочего, иллюстрирует тенденцию фактического наложения двух сюжетов – события, описанные Вигандом Марбургским вокруг Пилен в 1337 г., стали переноситься на рейд 1382 г. в землю Пуня («in terra Punnow»), также описанный Вигандом Марбургским². Дмоховский создал свое произведение в 1837 г., после возвращения на Родину по амнистии участников Восстания 1830–1831 гг.³ Возвращение художника совпало с 500-летием битвы в Пиленах.

¹ Lietuvos dailės muziejus. Inv. Nr. T-13 (Dmachauskas, Vincentas. Kryžiuočiai puola Punios pilį).

² Wigand von Marburg. S. 472.

³ Дробов Л.Н. Живопись Белоруссии XIX – начала XX в. Минск, 1974. С. 100.

Ил. 1. Владислав Константин Маерановский. «Последняя сцена Маргеры»

Ил. 2. Винцент Дмоховский. «Крестоносцы перед штурмом замка Пуня» (1837).

Историографическое признание пиленского сюжета во второй четверти XIX в. состоялось на страницах труда **Теодора Нарбута** (1784–1864) «История литовского народа» («Dzieje narodu litewskiego»). Нарбут в основном повторил канву событий, как это было описано у предшествующих авторов, но в его повествовании заметно влияние Кацебу, как, например, в эпизоде со стрелами: «И тогда крестоносце Вернер Рандорф раздал между тридцати избранных шестьсот огненных стрел, которые за один раз огненным градом покрыли целый град» («W tem krzyżak Werner randorf rozdał między trzydziestu wybrańszych sześćset strzał palnych, które za jednym razem gradem ognistym okryły grad cały»)¹. Нарбут обогатил свой текст подробностями о словах пророчицы и жертвеннике Зниче. Но наиболее отличительной чертой метода наррации Нарбута была гипербололизация событий, в том числе, мультипликация количества жертв до 12 тысяч, когда к сообщённому Вигандом Марбургским числу 4 тыс. жертв, он прибавляет дважды такое же число женщин, детей и старцев: «ludu zdatnego do obrony było w Pullen cztery tysiące; zapewne dwa razy tyle kobiet, dzieci i starców liczyć można; sławny przeto ten stos pogrzebny zarazem pochłonać musiał najmniej dwanaście tysięcy ludzi»². Таким образом, Нарбутом была не столько создана, сколько героически усилена трагическая картина литовского прошлого.

Через восемь лет после публикации работ Нарбута **Михал Балинский** (1794–1864) и **Тимофей Липинский** (1797–1856) в рамках большого проекта «Древняя Польша» («Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana») опубликовали том о Великом княжестве Литовском. М. Балинский, непосредственно подготовивший этот том, зафиксировал в сознании читателей отождествление Пилены и Пуни в районе Алиты: «**Пуне**, называемое крестоносцами *Пуллен* или *Пиленен*, местечко на берегу Немана ниже Алитуса на 7½ от Троков, в миле от Стоклишек» («**Punie** od krzyżaków *Pullen* zwane, albo *Pillenen*, miasteczko nad brzegiem Niemna niżej Olity o mil 7½ od Trokow, o milę od Stokliszek»)³

¹ Narbutt T. Dzieje narodu litewskiego. Wilno, 1838. T. 4. S. 601–602.

² Narbutt T. Dzieje narodu litewskiego. Wilno, 1838. T. 4. S. 604.

³ Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana. Warszawa, 1846. T. 3: Wielkie Księstwo Litewskie, opisane przez Michała Balińskiego. S. 427.

(выделено в тексте – М. Балинский). При этом Балинский ссылался на польских авторов и авторов ВКЛ: «...большой деревянный замок, крепко защищённый, памятный героической обороной литовцев против крестоносцев во времена Ольгерды, о которой Длугош, Стрыйковский и Коялович нам сохранили память» («...wielki drewniany zamek, mocno obwarowany, pamiętny bohaterską obroną za Olgerda litwinów przeciw krzyżakom, której Długosz, Strzykowski i Kojalowicz pamięć nam zachowali»)¹. Хотя в сведениях о Маргерте историк сослался на прусские хроники через посредничество Фойгта: «*Маргер* какой-то предводитель гарнизона, корольком литовским в хрониках прусских называемый» («*Marger* niejaki dowódca załogi, królikiem litewskim od djejopisów pruskich zwany»). Важно и то, что Балинский подал дату событий как 1336 г., что также закрепилось в последующей традиции.

Цифра в 12 тыс. жертв, выведенная Нарбутом, использовалась писателем и историком **Юзефом Игнатием Крашевским** (1812–1887)². Крашевский обратился к сюжету о Пиленгах в своем историческом синтезе «Литва». Хотя автор стремился беллетризовать собственное повествование, он поставил несколько новых вопросов по теме Пилен. Например, название Пиленского замка Крашевский вывел от литовского *pilis* – замок: «древний замок Пиллены (Pillen от Pillis дамба, вал, крепость – так у Виганда; другие хронисты странно перекручивают название»: («... stary gród Pilleny (Pillen od Pillis grobla, szaniec, twierdza – tak u Wiganda; inni kroniści dziwnie nazwanie przekręcają»)³. Вообще же Крашевский ввел в описание исторических событий многие известные ему балто-литовские реалии: обозначение Маргера кунигасом (князем); его характеристика как человека «непобедимого ятвяжского мужества». Крашевский также ввел в контекст событий отсылку к мифологическим представлениям, к Небу (Dungus), где находился Рай и куда отправлялись души умерших защитников Пилен: «Все они идут добровольно,

¹ Там же.

² *Kraszewski J.I.* Litwa. Starożytnie dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania i t. d. Warszawa, 1850. Т. 2: Historia od początku XIII wieku do roku 1386. S. 222.

³ *Kraszewski J.I.* Litwa. S. 228.

идут на эту смерть, которая на небесах отцов, в стране восточной, в Дунгусе, обиженных, помолодевших, счастливых, соединит их с духами героев» («Wszyscy idą chętnie, idą na tę śmierć, która ich w niebie ojców, w kraju wschodnim, w Dungusie, prze obrażonych, odmłodzonych, szczęśliwych, z duchami bohaterów łączy»)¹. Главная миссия Крашевского – показать пример истинного героизма: «С истинным героизмом, примера которого мы не знаем в нашей истории, все пожертвовали себя на добровольную смерть, лишь бы досталось ни добычи, ни себя не отдать в руки врага» («Z prawdziwym heroizmem, którego nie znamy w naszych dziejach przykładu, wszyscy ofiarowali się na śmierć dobrowolną, byleby ani łupu, ani siebie nie dać w ręce nieprzyjaciela»)².

Но настоящее художественное воплощение Крашевским истории замка Пилены и князя Маргитиса было осуществлено в историческом романе «Кунигас»³. Это произведение впервые было опубликовано в 1882 г., а иллюстрации к изданию подготовил широко известный в то время график **Михал Эльви́ро Андриолли** (1836–1893). Эта серия иллюстраций, выполненная в романтической художественной традиции, стала классической и впоследствии неоднократно воспроизводилась⁴ (Ил. 3). Во второй половине XIX в. Крашевский стал одним из самых популярных авторов в России, а перевод «Кунигаса» появился в Петербурге в 1899 г. и был переиздан во время Первой мировой войны⁵.

Юзеф Крашевский сконструировал необычную судьбу литовского героя Маргера. По тексту романа, в детстве Маргер попал в плен к крестоносцам во время одного из походов вглубь территории Литвы, получил христианское имя Юрий и воспитывался в Мальборке в надлежущей среде. Но «голос крови» приводит юношу к его родственникам и Маргер-Юрий возглавляет защиту Пилены от крестоносцев.

¹ *Kraszewski J.I.* Litwa. S. 220.

² *Там же.*

³ *Kraszewski J.I.* Kunigas. Powieść z podań litewskich. Warszawa, 1882.

⁴ *Крашевский Ю.И.* Кунигас. Минск, 2019.

⁵ *Крашевский И.И.* Собрание сочинений / под ред. И.И. Ясинского (Максима Белинского). С портретом автора и критико-биографическим очерком П.В. Быкова. Петроград, 1915. [Т. VI]. С. 1–216.

Ил. 3. Михал Эльвио Андриолли. «Смерть Маргера и Банюты». Иллюстрация к роману Юзефа Игнатия Крашевского «Кунигас» (1882)

Феномен «валленродизма»

Для читателя в XIX в. сюжет романа Крашевского «Кунигас» содержал внутреннюю полемику: Маргер был Анти-Валленродом. Сюжет романа «Кунигас» сильно зависел от поэтического романа **Адама Мицкевича** «Конрад Валленрод»¹, который имел подзаголовок «Исторический роман из литовской и прусской истории». Свою поэму-роман Мицкевич написал между 1825 и 1828 гг. во время своей ссылки в Россию, а именно в Санкт-Петербурге. После публикации в феврале 1828 г. «Конрад Валленрод»² стал считаться одним из самых известных литературных произведений польского романтизма. По сюжету главный герой поэмы, литовский мальчик Альф (как и Маргер) попадает в плен к крестоносцам. Мальчика воспитывает как родного сына великий магистр Винрих. Несмотря на хорошее отношение немцев, Альф, внешне покорный, втайне питает ненависть к Ордену. Пленный литовский певец Гальбан убеждает Альфа сначала научиться всему у немцев, а затем использовать свои знания против них, так как «единственным оружием невольников является предательство»: «*Tyś niewolnik, jedyna broń niewolników jest zdrada*»³ (в первом издании эта строка подверглась цензуре). В первом же столкновении с литовцами, в котором принимает участие Альф, он переходит на сторону литовцев и помогает им победить. В дальнейшем, побывав в Иерусалиме, Альф выдает себя за погибшего на Святой Земле при неизвестных обстоятельствах графа Конрада Валленрода и даже избирается великим магистром Ордена.

Откуда взялась эта странная аналогия, что главный герой поэмы Мицкевича носит то же имя, что и великий магистр Ордена, который был непосредственным руководителем Виганда Марбургского, создателя легенды о Пиленах? Конрад фон Валленрод / Konrad von Wallenrodt, Konrad von Wallenrode (1330/1340–1393) происходил из рыцарского франконского рода и в течение периода

---

¹ XIX стагоддзе. Навукова-літаратурны альманах / укл. і падр. тэкстаў М. Хаўстовіча. Мінск, 1999. Кн. 1. С. 146.

² *Mickiewicz A. Konrad Wallenrod, powieść historyczna z dziejów litewskich i pruskich.* Petersburg, 1828.

³ *Mickiewicz A. Dzieła.* Warszawa, 1955. T. 2: Powieści poetyckie. S. 107.

12.III.1391–25.VII.1393 был 24-м великим магистром Тевтонского Ордена¹. В своей политике этот магистр действительно был сильно связан с Великим княжеством Литовским, в частности, поначалу поддерживал Витовта в его конфликте с Ягайло, а в январе 1393 г. организовал неудачный по результатам поход на Гродно. Среди хронистов Ордена сложился негативный образ этого великого магистра, недостаточно щедрого к церкви, а легенды сделали Конрада даже литовцем. Сам Мицкевич знал о существовании исторического Конрада Валленрода и писал в комментариях к поэме, что реальный Валленрод действительно поставил Орден на грань гибели, а сам умер при невыясненных обстоятельствах. Можно утверждать, что выбор имени и эпохи поэтом был не случаен, а продиктован той художественной задачей, которую он сам себе сформулировал.

Мицкевич использовал в своей поэме «исторические маски», отсылая к событиям средневековой истории. По сути, поэт затронул проблемы патриотизма края в XIX в. Ещё при жизни Адама Мицкевича поэма дала название такому этико-нравственному течению национально-освободительных движений, как «валленродизм», в основе которого лежало доктрина Макиавелли. Валленродизм стал обозначать позицию человека, использующего обман и предательство для достижения благородной цели.

Понятие валленродизма достаточно быстро стала популярной еще при жизни Мицкевича². Но в обществе отношение к валленродизму было противоречивым. С одной стороны, поэма «Конрад Валленрод» реально отражала этическую дилемму, которая стояла перед заговорщиками, готовивших к восстанию, вспыхнувшему в 1830 г. Средствами литературы через метафору морального конфликта фактически был кодифицирован новый образец патриотизма, который мог быть реализован в конспирологической и революционной деятельности. Но некоторые представители общественных

¹ Triller A. Konrad von Wallenrodt // Neue Deutsche Biographie. Bd. 12. Berlin, 1980. S. 516–517; Jähnig B. Dostojnicy i urzędnicy zakonu krzyżackiego w Prusach // Zakon krzyżacki w Prusach i Inflantach. Podziały administracyjne i kościelne w XIII–XVI w. / pod red. E. Czaj i A. Radziwińskiego. Toruń, 2013. S. 289.

² Lasecka-Zielak J. Wallenrodyzm. // Bachórz J., Kowalczykowa A. Słownik literatury polskiej XIX wieku. Wrocław, 2002. S. 995–996.

движений в XIX в. очень дословно прочитали послание Мицкевича, поэтому поэту высказывались претензии, что валленродизм был по своей сути нравственным восхвалением предательства и что идея мести в поэме важнее идеи любви к Отечеству. Но идея трагизма затмила этот спор о валленродизме.

Российская публика познакомилась с поэмой Адама Мицкевича очень быстро, в год выхода оригинальной версии – 1828 г. Но первоначально это был прозаический перевод историка и статистика Апполона Скальковского¹. К печати этот перевод был подготовленный русским литературным критиком и общественным деятелем славянофильских убеждений Степаном Шевырёвым в историко-философском журнале «Московский Вестник»². Переводчик так обосновал свой выбор: «Желая познакомить читателей с сим новым произведением Польского Поэта, мы осмелились предложить им на первый раз прозаический перевод оною, сколь можно близкий к подлиннику»³. Текст перевода был размещён в разделе «Проза». Но в действительности, попыток перевода на русский язык поэмы Мицкевича, целой или в фрагментах, при жизни поэта было предпринято несколько. На протяжении 1828–1829 гг. появилось, по крайней мере, девять таких переводов⁴, настолько это произведение стало популярным в России.

В 1828 г. А. Мицкевич пребывал в Петербурге и ощутил интерес российской читающей публики к его новому произведению. Литературный критик Ксенофонт Полевой таким образом характеризует это внимание: «Многочисленный круг русских почитателей поэта знал эту поэму, не зная польского языка, то есть знал ее содержание, изучал подробности и красоты ее. Это едва ли не единственный в своем роде пример! Но он объясняется общим вниманием

---

¹ Ланда С.С. Пушкин и Мицкевич в воспоминаниях А.А. Скальковского // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 279.

² Конрад Валленрод. Историческая повесть, взятая из летописей литовских и прусских. Сочинение Адама Мицкевича // Московский Вестник. 1828. № 7. С. 290–303; № 8. С. 369–390.

³ Конрад Валленрод // Московский Вестник. 1828. Ч. 7. С. 290.

⁴ Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955. Библиографические материалы. М.; Л., 1957. С. 14–15, № 21–24; С. 18, № 36–39; Федута А. Этюды о текста Мицкевича и их интерпретаторах // Федута А. Следы на снегу. Минск, 2018. С. 25–31.

петербургской и московской публики к славному польскому поэту и <так> как в Петербурге много образованных поляков, то знакомые обращались к ним и читали с ними новую поэму Мицкевича в буквальном переводе. Так прочел ее и Пушкин. У него был даже рукописный подстрочный перевод ее, потому что наш поэт, восхищенный красотами подлинника, хотел, в изъявление своей дружбы к Мицкевичу, перевести всего «Валленрода»¹.

Уже в марте 1828 г. (возможно и раньше) Александр Пушкин начинает перевод «Конрада Валленрода», но сейчас же бросает его и с начала апреля приступает к работе над «Полтавой» (первоначально «Мазепа»)². Пушкин избрал для перевода Вступление к «Конраду Валленроду»³, в котором как раз наиболее сильно звучит тема историзма. Отдельно отметим, что по этому же пути, уже для белорусского перевода, в 1910 г., пойдёт Янка Купала⁴. Впервые Вступление к «Конраду Валленроду» в переводе А. Пушкина было опубликовано в 1829 г.⁵:

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понёс изгнанную главу.
Между враждебными брегами
Струился Немен; на одном
Ещё над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,

¹ Живописная Русская Библиотека. 1858. № 10. С. 75.

² Аронсон М.И. «Конрад Валленрод» и «Полтава»: (К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20-х – 30-х годов) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л., 1936. [Вып.] 2. С. 53.

³ Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 116.

⁴ Купала Я. Поўны збор твораў: У 9 т. Т. 6. Паэмы, пераклады. Мінск, 1999. С. 192–193.

⁵ Пушкин А.С. Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод («Сто лет минуло, как Тевтон...») // Московский Вестник. 1829. Ч. 1. С. 181–182.

Духов пристанища святые.
 Символ германца, на другом
 Крест веры, в небо возносящий
 Свои объятия грозящи,
 Казалось, свыше захватить
 Хотел всю область Палемона
 И племя чуждого закона
 К своей подошве привлечь.

А. Пушкин

Начало сценической реализации

В середине XIX в. было создано еще одно поэтическое произведение, апеллировавшее к событиям под Пиленами – это была поэма **Владислава Сыракомли** (1823–1862) «Маргер». В «Слове от Автора» Сыракомля сослался на орденскую хроникарную традицию: «Litewscy i pruscy kronikarze zapisali pod r. 1336 napad krzyżacki na zamek Pullen, bohaterską jego obronę przez wodza Margiera i zgon Litwinów, którzy nie chcąc się żywo oddać w ręce nieprzyjaciół, sami się na stosie na ofiarę swym bogom pozabijali»¹. Основная мысль поэмы была вложена автором в уста главного героя во время отважного самоубийства²:

Margier kołpak soboli zdjął z rycerskiej głowy:
 «Witam cię, chobra Litwo, w otchłani grobowej!
 Daj świadectwo niebiosom w uroczystej dobie,
 Żem cześć twoją ocalił i zginął przy tobie!
 Nie umarłaś spodlona – tylko nieszczęśliwa!»

(Маргер соболиную шапку снял с рыцарской головы:
 «Приветствую тебя, храбрая Литва, в бездне могильной!
 Свидетельствуйте небесам в торжественный день,
 Что я спас твою честь и погиб вместе с тобой!
 Ты не умерла униженной – только несчастной!»)

¹ *Syrokomla W. Margier. Poemat z dziejów Litwy. Wilno, 1855. S. V.*

² *Syrokomla W. Margier. S. 134.*

Автор, рассказывая об одном локальном событии, стремится создать общую картину истории Литвы, очертить эпоху экспансии Ордена¹. Это сочетание «храброй Литвы» и отчаянного поступка формирует нравственно-этический комплекс прочтения истории и ее интерпретации в актуальном для автора моральной атмосфере XIX в.

Владислав Сыракомля планировал сценическую реализацию своей поэмы и подготовил собственное либретто для композитора Станислава Монюшко². Но эти театральные замыслы воплотил в жизнь другой выдающийся композитор, уроженец Лиды **Константин Горский** (1859–1924), создавший оперу «Маргер» в трех актах (шести действиях). При этом композитор не воспользовался либретто Сыракомли, а положил в основу своей оперы либретто автора, обозначенного криптонимом W.W.G. Транскрипция для фортепиано была опубликована в Петербурге в 1905 г., но саму оперу поставили только 13 января 1927 г. на сцене Большого театра в Познани. Финальная сцена оперы создавала атмосферу героизма, в основе которого лежало самопожертвование: «Lud zaklina bogi, by wyzwolili ich z pęć ciała. Na oczach oszołomionych Krzyżaków wszyscy wskakują na stos. Wszystko niknie w kłębach dymu» («Люди умоляют богов освободить их от оков плоти. На глазах у ошеломленных крестоносцев все прыгают в костер. Все исчезает в облаках дыма»).

Можно утверждать, что опера Горского подытожила «литвинский этап» развития легенды о Пиленах, пик которой пришелся на середину XIX в. Специфика литвинского прочтения легенды заключалась в том, что в рамках этой концепции делались отсылки к древней литовской истории, но новый нарратив должен был пробудить патриотизм славяноязычного, преимущественно польскоязычного, шляхетского сообщества в бывшем ВКЛ.

¹ *Варабей М.* Хрысціянiзацыя ВКЛ вачыма Уладзіслава Сыракомлі ў гістарычнай паэме “Маргер” // Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі: зб. арт.: у гонар праф. Э. Смукловай / рэдкал.: І.Э. Багдановіч [і інш.]; пад рэд. І.Э. Багдановіч, М.І. Свістуновай. Мінск, 2016 (Беларусіка = Albaruthenica; кн. 37). С. 221.

² *Wrocki E.* Konstanty Górski: życie i działalność. 1859–1924. Warszawa, 1924. S. 11.

Становление литовскоязычной традиции

Параллельно с распространением сюжета в польскоязычной литвинской литературе региона, наррация о Пиленах стала проникать в литовскоязычную историографию, которая только начинала зарождаться. Первым автором этого направления был просветитель и один из первых идеологов литовского национального движения **Симонас Даукантас** / *Simonas Daukantas* / *Szymon Dowkont* (1793–1864). Даукантас окончил Виленский университет в 1822 г., но из-за процесса филوماتов-филаретов он получил степень магистра права только в 1825 г. В дальнейшем он работал в канцелярии Рижского генерал-губернатора (1825–1834) и, что стало очень важным для профессионального роста Даукантаса как историка, на протяжении 1835–1851 гг. он служил помощником матриканта при канцелярии Сената в Санкт-Петербурге. То есть, в столице империи Даукантас работал напрямую с Метрикой ВКЛ.

Ещё будучи студентом, Даукантас подготовил свой первый труд по истории Литвы «*Darbai senųjų lietuvių ir žemaičių*» («Деяния древних литовцев и жемайтов», 1822). В своем повествовании Дауканас при передаче топонима ориентировался на версию *Punie*, которую в свое время принял Шлёцер. Современный литовский исследователь Витаутас Меркис подсчитал, что в этом работе Даукантаса из 245 ссылок 89 относятся к произведениям фон Коцебу, 62 – Альберта Виюка-Кояловича, 29 – Николая Карамзина, 15 – Антония Глебовича, 10 – Теодора Нарбута¹. Также в сюжете о Пиленах Даукантас опирался на работы фон Коцебу и Виюк-Кояловича. В наррации Даукантаса была усилена морально-психологическая составляющая, подчеркнута желание литовцев умереть, но не стать рабами крестоносцев. Автор позволил Маргеру (Маргирису) сказать: «Пусть невинная кровь льется на головы этих кровопийц, отнимающих у нас свободу, данную самими богами». И добавил: «Мы благодарим небеса за то, что сегодня мы можем умереть на свободе, несмотря на то, что нас угнетают». Проблема в том, что «*Darbai senųjų lietuvių ir*

---

¹ *Merkys V. Simonas Daukantas / 2 papild. leid. Vilnius, 1991. P. 106–107.*

žemaiščių» при жизни Дауканаса так и осталась в рукописи¹ и была опубликована только в XX в.²

Та же участь постигла и другой историографический труд Даукантаса, где он описал события под Пиленами, – «Istorija žemaitiška» («Жемайтская история»)³, созданный в 1831–1834 гг. В этой работе автор уже использовал топоним *Ruene*. Отличительной чертой наррации Даукантаса было то, что, признавая расположение замка Пилены в Жемайтии, автор стремился показать региональную историю Жемайтии как части интегральной истории Литвы, как братьев Литвы и Жемайтии: «broliu Letuiū ir Zemaitiū». «Istorija žemaitiška» свидетельствует об эволюции историографического метода Даукантаса и изменениях в цитировании. Всего в работе содержится 320 ссылок, число разных авторов выросло примерно до 70 и это были, преимущественно, немецкие историки. Но произошел существенный сдвиг в частоте упоминаний работ: фон Коцебу (18 упоминаний) выпал из фаворитов, а приоритетным стал Йоганнес Фойгт (75 упоминаний)⁴. С точки зрения репрезентативности базы источников «Istorija žemaitiška» уже свидетельствовала о большей зрелости Даукантаса как историка. Помимо заимствований из других работ историописания, Даукантас непосредственно работал со средневековыми нарративными источниками и ссылался на них – на Ливонскую рифмованную хронику, Хроники Виганда Марбургского, Петра Дуйсбургского, Лукаса Давида.

Также в рукописи остался ещё один труд Даукантаса «Pasakojimas apie wejkašus letuwiū tautos senowie, kuri trumpaj

¹ Vilniaus universiteto bibliotekos Rankraščių skyrius / VUB RS (Библиотека Вильнюсского университета, отдел рукописей). F. 1. B. D104 (*Daukantas, S. Darbau senųjų Lituviū yr Zemajcziu*). P. 684–691.

² *Daukantas, S. Raštai / tekstą paruošė B. Vanagienė, sudarė V. Merkys*. Vilnius, 1976. T. 1. P. 289–292.

³ Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas / LLTI (Литовский институт литературы и фольклора). F. 1. B. 2 (*Daukantas S. Istorije Zemajtyzka*). P. 252–253; Lietuvos Moklų akademijos Vrublevskių biblioteko Rankraščių skyrius / LMAB RS (Библиотека Литовской Академии наук, отдел рукописей). F. 29. B. 1056 (*Daukantas S. Istorije Zemajtyzka*). P. 488–490; *Daukantas S. Istorija žemaitiška. / parengė B. Vanagienė*. Vilnius: Vaga, 1995. T. 1. P. 573–576.

⁴ *Merkys V. Simonas Daukantas / 2 papild. leid.* Vilnius, 1991. P. 107–108.

apraszia Jonas Ejnoras metuse 1859» («История про древний литовский народ, кратко описанная Йонасом Эйнорасом в 1859 г.»)¹, в котором эпизод о Пиленах был основан на публикациях Фойгта. Из четырех историографических работ Даукантаса при его жизни была издана только одна, подготовленная им в Санкт-Петербурге: «Budą Senowęs Lietuwių kalneniu ir Žemaitiū» («Обычаи древних литовцев, горцев и жемайтов»; под «горцами» тут понимались аукштайты). Этот труд вышел под псевдонимом «Якуб Лаукис». Сюжет о Пиленах здесь был самым коротким по сравнению с другими произведениями Даукантаса и содержал лишь краткую сводку событий².

Симонас Даукантас заложил основы литовской (в этническом смысле) романтизированной национальной историографии. Пилены были прописаны в этой версии очень четко прежде всего через жертвенность поступка. Но остается открытым вопрос, как в первой половине – середине XIX в. происходила трансляция наррации Даукантаса среди публики. Пока правомерной остается версия об ограниченном влиянии работ Даукантаса при его жизни. Но труды историка станут весьма затребованными в конце XIX – начале XX вв.

Ещё одним примером рукописной циркуляции наррации о Пиленах является текст **Мотеюса Валанчюса** / Motiejus Valančius / Мацея Волончевского «Pasakojimas antano Tretininko» («Рассказы Антанаса Третининкаса»)³, где эпизод о Пиленах так же был основан на «Истории Пруссии» Фойгта. М. Валанчус (1801–1875) важен для литовской культуры как литератор-просветитель и религиозный деятель. В 1850 г. он стал епископом Жемайтйским (Тельшайским), а в 1858 г. инициировал движение за трезвость. И Валанчюса, и Даукантаса объединяло то, что оба они происходили из Жемайтии, к тому же из северо-западной ее части, расположенной

¹ *Daukantas S. Raštai / tekstą paruošė B. Vanagienė, sudarė V. Merkys. Vilnius, 1976. T. 2. P. 449–451.*

² [*Daukantas S.*] *Budą Senowęs Lėtuwių, Kalnienų ir Žemajtių, iszraszų pagal Senowęs Rasztū Jokyb's Łaukys. Petropilie spaudinie pas C. Hintze, 1845. P. 196–197.*

³ *Valančius M. Raštai / parengė V. Vanagas, tekstus redagavo B. Vanagienė. Vilnius, 2001. T. 1: Vaikų knygelė; Paaugusių žmonių knygelė; Palangos Juzė; Pasakojimas Antano tretininko; Bičiuliai; Budrys ir jo priepuoliai; Dievobaimingas vaikiukas; Patarlės žemaičių. P. 626–628.*

ближе к Пруссии и латвийской Курляндии. В некотором смысле деятельность и Валанчюса, и Даукантаса вдохновлялась интересами и этнокультурным ландшафтом Жемайтии. Но в своих программах эти просветители выходили на уровень консолидированной современной литовской нации. Эпизод с Пиленами занимал важное место в исторических программах основоположников литовского национального движения.

Национальный инструментализм

На рубеже XIX и XX вв. произошло закрепление исторического мифа о Пиленах в литовской культурной традиции. Яркой иллюстрацией того, что Пилены действительно стали местом памяти, являлись сценические постановки народных театров. В 1905 г. литовский писатель и педагог **Марцелинас Шикшнис** / Marcelinas Šikšnys (1874–1970) под псевдонимом М. Šiaulėniškis издал пьесу «Пиленский князь», созданную по роману Юзефа Крашевского «Кунигас», что и было обозначено на обложке издания¹. Премьера спектакля состоялась 6 мая 1906 г. в Виленской ратуше и считается, что это была первая литовскоязычная сценическая постановка. В 1910 г. пьеса была поставлена в Риге², где очень хорошо срезонировала с антинемецкими настроениями местной латышской общины. В том же 1910 г. общество «Varpas» реализовало постановку в Шяуляе³ (Ил. 4) – городе, где Шикшнис в 1893 г. окончил гимназию. В Шяуляе спектакль удалось поставить в обход цензуры⁴.

Закономерным этапом развития национального исторического мифа стало его воплощение в героической поэзии. Такими па-

¹ Šiaulėniškis M. [Šikšnys M.]. Pilenų kunigaikštis. Tragėdija 5-uose veiksmuose. Ryga, 1905. P. 1.

² Lietuvos nacionalinis dailės muziejus (Литовский государственный музей изобразительных искусств). Fondas B-5: XVIII–XXI amžiaus įvairių asmenų užrašai, dienoraščiai, katalogai ir kiti dokumentai. Apyrašas 3: Nuolat saugomų skaitmeninių vaizdų apyrašas. Byla 1: Laimos Kruopaitės senų nuotraukų kolekcijos skaitmeniniai vaizdai. Vieta byloje 161: Marcelino Šikšnio dramos «Pilenų kunigaikštis» spektaklio aktoriai. Centre sėdi Marcelinas Šikšnys. Ryga, 1910 metai. Vieta byloje 161.

³ Šlivinskas A. Šiaulių «Varpo» draugija Lietuvos teatro ištakose. // Kultūros barai. 2008. № 10. P. 99.

⁴ Avižinienė B. Viešų lietuviškųjų vakarų repertuaro cenzūra XIX a. pabaigos – XX a. pradžios Rusijos imperijoje // Colloquia. 2015. T. 34. P. 57.

Ил. 4. Фотография с актерами спектакля «Пиленский князь», поставленного в 1910 г. обществом «Vaipras» в Шяуляе. Пьеса Марцелинаса Шикшниса (под псевдонимом М. Šiaulėniškis).

триотическими строками было стихотворение классика литовской литературы, католического священника **Майрониса** / Maironis (Йонас Мачюлис) (1862–1932) «Ant Punės kalno ties Nemunu» («На горе Пуня у Немана»), впервые опубликованное в 1925 г. в каунасском литературно-художественном журнале «Baras»¹. В этом стихотворении содержались сильные романтические и героические образы:

Tai kapas Margio milžinų!
 Nors amžių šešetą sukako,
 Kaip jie – tik sauja pelenų!..
 Tačiau daugiau už gyvus sako.

¹ Maironis. Ant Punės kalno ties Nemunu // Baras. 1925. № 8. P. 5–8.

Здесь кости шестивековые
 Героев Маргиса лежат.
 Они – лишь прах, но говорят
 Потомкам громче, чем живые.

1895. «На горе Пуне». Перевод Вл. Державина¹.

Следует отметить, что в последующих изданиях русскоязычных переводах стихотворений Майрониса это произведение больше не появлялось².

Майронис придерживался традиционной в то время локализации замка Пилены на городище Пуня в Трокском уезде³ (ныне Алитусский район). Городище Пуня так же расположено на берегу Немана, но не в Жемайтии, а в Дзукии. У подножия городища был установлен памятный камень с приведенными выше строками Майрониса.

Весьма показательным сценическим воплощением литовского исторического мифа о Пиленах стала героико-эпическая опера композитора **Витаутаса Клова** / Vytautas Klova (1926–2009) «Пиленай» в 4-х действиях. Автором либретто был искусствовед и писатель **Йонас Мацконис** / Jonas Mackonis-Mackevičius (1922–2002). Премьера оперы состоялась 1 июля 1956 г. на сцене Литовского театра оперы и балета. А в 1957 г., во время гастролей театра, опера была показана в Москве, в 1958 г. – в Ленинграде. В целом опера завоевала внимание публики и наград со стороны литовского советского руководства: в 1957 г. создатели оперы получили Государственную премию Литовской ССР, а Клова в 1959 г. стал заслуженным деятелем искусства Литовской ССР. Следует отметить, что для гастролей в РСФСР был издан построчный перевод либретто оперы⁴. В саму

¹ *Майронис*. Избранное. / пер. с лит. Москва, 1949. С. 47.

² *Майронис*. Избранное. / вступ. ст. Л. Гинейтиса. Москва, 1962; *Майронис*. Голоса весны. Стихотворения / пер. с лит. Вильнюс, 1987.

³ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. / wyd. pod red. Filipa Sulimierskiego, Bronisława Chlebowskiego, Władysława Walewskiego. Warszawa, 1888. Т. IX: Pożajście–Ruksze, 1888. S. 300–301.

⁴ Пиленай. Либретто оперы в 4 действиях, 5 картинах / Музыка А. Кловы, либретто И. Мацкониса. Подстрочный пер. с лит. Вильнюс, [1958].

оперу, согласно официальной идеологической доктрине СССР, были введены совершенно новые персонажи – русский князь Даниил и компаньон князя певец Потык. Данило остается сражаться вместе с Маргирисом. Литовский князь перед самым драматичным моментом обороны произносит свою программную речь¹:

Пришёл и вам черёд, последние защитники Пиленай,
Смыть кровью крестоносцев ржавчину с мечей.
Обороняем мы Литву от хищных вражьих орд
И долю светлую грядущих поколений.
На жертвенник Отчизны жизнь свою приносим,
Но наша смерть и гибель – не бесплодны, –
Благословит Предвечного рука ту жертву
И память светлую о витязях отважных.

В заключительной же сцене пиленцы исполняют хором:

Проклятье вам, неистовые упыри!
Всем вам проклятье!
Непобеждёнными мы умираем!

Занавес

Настолько сильные слова можно считать квинтэссенцией эволюции исторического мифа о Пиленах в литовском национальном сознании от начала XIX в. до времён Советской Литвы².

Заключение

Сведения о штурме замка Пилены на жемайтійско-прусской границе в 1336 г. впервые зафиксированы в «Новой прусской хронике» Виганда Марбургского, где основным сюжетом было противостояние христиан и язычников. Этот же сюжет получил распространение в ренессансной историографии Великого княжества Литовского, в котором усиливались этнические маркеры. Но на-

¹ Пиленай. Либретто оперы. С. 32.

² *Baronas D., Mačiulis D. Pilėnai ir Margiris: istorija ir legenda.* Vilnius, 2010. P. 389–463.

стоящий информационный взрыв вокруг Пилен и его защитников произошел в конце XVIII – середине XIX вв. После освоения этого сюжета историографией эпохи Просвещения морально-этическая интерпретация подвига вышла на первый план в историографии романтизма. Важнейшая роль здесь принадлежала Августу фон Коцебу, создавшему канон повествования XIX в. о Пилене. Это романтическое течение и симпатию к «варварам» подхватили не только историки, но и художники, писатели и композиторы из земель бывшего Великого княжества Литовского – в том числе на примере Пилен и их героя князя Маргера (Маргириса) формировался литвинский аристократический патриотизм.

Достаточно рано, с 1820-х годов, тема Пилен заинтересовала литовскую интеллигенцию, начавшую писать на литовском языке. Но это были рукописные тексты и степень их распространения среди общественности не представляется понятной. В конце XIX – начале XX вв. сюжет героического коллективного самоубийства становится культовым среди участников литовского национального движения. Реактуализация памяти о Пиленской трагедии и героическая интерпретация исторических источников стали одной из идеологических основ, на которых в XIX в. сформировался проект современной литовской нации. Наряду с героизмом одной из важнейших характеристик в оценке событий 1336 г. является жертвенность.